

УДК 340.5

ПРАВОВОЙ ПОЛИЦЕНТРИЗМ КАК ПРЕДМЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Андрей КУЧУК,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

SUMMARY

The article is devoted to the matter of clearing up of the state of study of the issue of law polycentrism. The attention is paid to the fact that law polycentrism has not become the subject of the complex study of the domestic jurisprudence yet, although some isolated aspects of non-universality of law have been studied by legal linguistics, and general theory of law within law systems. To the issue of law polycentrism are only devoted several scientific articles of home scientists. Taking into account the complexity of the issue and also a complete lack of its elaboration, the conclusion is drawn that law polycentrism should be one of the leading tendency of the domestic jurisprudence. The key prerequisite of the study should be view of law as a social and cultural phenomenon.

Key words: non-universality of law, law culture, law system, law civilization, law polycentrism.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросу исследования состояния изученности проблемы правового полицентризма. Акцентируется внимание на том, что правовой полицентризм не стал предметом комплексного исследования отечественной юридической науки, хотя отдельные аспекты неуниверсальности права рассматриваются юридической лингвистикой, а также общей теорией права в рамках правовых систем. Правовой полицентризм рассматривается только в нескольких научных статьях отечественных ученых. Делается вывод, учитывая комплексность проблемы, а также ее неразработанность, о том, что правовой полицентризм должен стать одним из ведущих направлений отечественной юридической науки. Ключевой предпосылкой исследования должно быть понимания права как социокультурного явления.

Ключевые слова: неуниверсальность права, правовая культура, правовая система, правовая цивилизация, правовой полицентризм.

Постановка проблемы. В 1990 г. в Институте правовых наук Копенгагенского университета возникло движение, получившее название правовой полицентризм. Основным постулатом этого движения является принцип неуниверсальности права, соответственно отрицается единство правовых ценностей в различных культурах. Поэтому важной для юридической науки и методологии является выработка способов познания правовых явлений различных систем права. В то же время правовой полицентризм нельзя отождествлять с релятивизмом в праве, поскольку первый не абсолютизирует относительность и условность содержания познания права, а акцентирует внимание на необходимости учета плюрализма понимания права и, соответственно, правовых ценностей. Положения правового полицентризма подтверждаются процессами, которые происходят в современном обществе: глобализирующийся мир порождает тенденцию, как указывал известный социолог и философ Р. Дарендорф, к глокализации.

Изучение и понимание явления правового полицентризма имеет огромное значение для международного сотрудничества, привлечения международных инвестиций, обучения юристов, обеспечения прав человека. Но, к сожалению, правовой полицентризм не стал предметом комплексного исследования отечественной юридической науки.

Целью статьи является определение степени изученности юридической наукой правового полицентризма, акцентирование внимания ученых на необходимости разработки вопросов неуниверсальности права.

Основными методами, использованными в данной работе, являются логические (анализ и синтез), именно с их помощью изучены и обобщены наработки отечественных

и зарубежных ученых относительно правового полицентризма.

В основу исследования положен синергетический принцип: правовой полицентризм, учитывая цивилизационный фактор, проявляется по мере возникновения и развития культур и, соответственно, определенные аспекты этого социального явления должны были быть (и были) предметом исследования ученых (философов). В тоже время, поскольку право является сложноорганизованной, открытой системой с нелинейным развитием, на его развитие влияют не только экономические, но и политические, идеологические и другие факторы. И который из них в определенный период существования системы имеет решающее влияние на дальнейшее ее функционирование определить довольно сложно. Кроме того, выявленные в рамках определенных точек бифуркации закономерности могут не в полной мере проявляться (или не проявляются вообще) в пределах других. Поэтому в этой работе я рассматриваю работы ученых преимущественно эпохи постмодерна.

Учитывая комплексность рассматриваемой проблемы, в исследовании были использованы материалы в сфере культурологии, социологии, философии, сравнительного правоведения. В частности, в качестве отправной точки исследования взяты тезисы известных мыслителей О. Шпенглера (о том, что он «рассматривает в качестве коперниканского открытия в области истории то, что в настоящей книге («Закат западного мира» – А. К.) на ее место заступает такая система, в которой античность и Запад занимают свое никоим образом не привилегированное место наряду с Индией, Вавилоном, Китаем, Египтом, арабской и мексиканской культурой, этими отдельными мирами становления, чья весомость в общей картине истории ничуть не меньше, а по величественности душевной конституции,

по мощи взлета они намного превосходят античность. <...> Явления иных культур вещают на иных языках. Для иных людей существуют и иные истины. Мыслитель принимает их все либо ни одну из них» [1, с. 29–30, 37]) и К. Ясперса (среди «осевых народов» (китайцы, индийцы, иранцы, иудеи, греки наука и техника возникли именно у романо-германских народов). А одной из причин этого, как считает мыслитель, является то, что «Западу известная идея политической свободы. В Греции – правда, только кратко-временно – существовала свобода, не возникшая более нигде. <...> Китай и Индия не знают подобной политической свободы» [2, с. 84]).

Изложение основного материала. В эпоху постмодерна концептуально оформил идеи правового полицентризма известный индийский философ права С.С. Пракаш. В его наиболее известной работе «Юриспруденция. Философия права» исследуются вопросы о природе права с позиций различных теорий его понимания, которые выдвигались на протяжении развития человеческой мысли. В Главе 14 этой работы, которая называется «Правовой полицентризм», автор акцентирует внимание на том, что правовой полицентризм считает одностороннюю, абсолютную и монистическую систему единых ценностей/морали ошибочной и опасной, в частности по следующим причинам: «Во-первых, она затушевывает тот факт, что существует множество разнообразных ценностей и не все они гармонизируют друг с другом. Ее утверждение, что конфликтующие ценности становятся совместимыми на основе единой конечной истины, не отражают повседневного опыта человеческой жизни. Эта система опасна, во-первых, тем, что ее строго детерминистский взгляд на моральную сферу как на объединенную тотальную систему, обладающую своей собственной единой абсолютной истиной, порождает пессимизм, во-вторых, тем, что искажает действительность, внушая нам представление о наличии некой всеобъемлющей сущности, содержащей в себе все возможные решения, и, наконец, тем, что, настаивая на едином правильном ответе, она представляет удобное оправдание для тирании» [3, с. 278–279].

Эти положения подтверждаются реалиями правовой жизни. Так, в 1948 г. принят важный документ международного значения – Всеобщая декларация прав человека. В пределах Западного мира день принятия этой декларации является днем прав человека. В ч. 1 ст. 16 указанного документа указывается: «Мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать свою семью. Они пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения». А в ст. 18 отмечено: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков». Статья 19 предусматривает, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [4].

Заметим, почти все мусульманские страны, за исключением Саудовской Аравии, ратифицировали всеобщую

декларацию прав человека, а ученые из Египта и Ливана даже помогли в разработке текста. Кроме того, в 1981 г. мусульманские страны приняли собственную всеобщую исламскую декларацию прав человека. После этого в 1990 г. была принята дополненная Каирская декларация о правах человека в исламе, а в 1994 г. семь стран арабской Лиги согласовали арабскую хартию прав человека [5].

Пункт «а» ст. 5 Каирской декларации о правах человека в исламе определяет: «Семья является основой общества и зарождается в результате брака. Мужчины и женщины имеют право сочетаться браком, и никакие ограничения по признаку расы, цвета кожи или национальности не могут препятствовать воспользоваться им этим правом» (религиозный признак не указан), в п. «б» ст. 6 отмечено, что «муж отвечает за достаток и благополучие семьи», в п. «б» ст. 7 – «родители и те, кто находится в аналогичном положении, имеют право выбирать для своих детей вид образования по своему желанию, при этом они должны учитывать интересы и будущее детей в соответствии с этическими ценностями и принципами шариата» (религиозный фактор). Статья 10 прямо указывает: «Ислам – религия первозданной чистоты. Запрещается прибегать к какой-либо форме принуждения человека или использовать его нищету или невежество для обращения его в другую веру или атеизм». В пунктах «а» и «б» ст. 22 отмечено: «Каждый имеет право на свободное выражение своего мнения таким образом, чтобы это не противоречило принципам шариата. Каждый имеет право выступать в защиту того, что он считает верным, и предостерегать в отношении того, что он считает неправильным и порочным в соответствии с нормами исламского шариата» (опять видим религиозный фактор), а в соответствии со ст. 25 «исламский шариат является единственным источником для толкования или пояснения любых статей настоящей Декларации» [6].

Замечу, что 18 ноября 2012 г. главы стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на саммите в столице Камбоджи Пномпене приняли декларацию прав человека, которая критикуется западными правозащитниками. Примечательно, что в этом документе провозглашается, что «в то же время реализация прав человека должна рассматриваться на региональном и национальном уровне, учитывая различные политические, экономические, правовые, социальные, культурные, исторические и религиозные предпосылки» [7].

В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением Л. Доброго о том, что исследование системы права должно основываться на принципе правового полицентризма. Необходимо учитывать превалирующий в соответствующем обществе тип правопонимания. Под системой права следует понимать объективно обусловленное общественными отношениями, национальными, историческими, культурными или иными социальными факторами объединения правовых элементов, в котором все элементы настолько тесно связаны друг с другом, что выступают по отношению к окружающим условиям и другим системам как единое целое, которому присущи саморегуляция и динамизм [8, с. 153].

Таким образом, как известно, разные культуры имеют разное понимание истоков, содержания и сущности прав человека, неуниверсальным является право. И, как правильно заметила Л. Синюта, неуниверсальность права и правовых явлений как отражение правового полицентризма является следствием существования различных культур, цивилизаций, народов, а также объективным явлением.

Одной из причин этого является язык, поскольку именно язык играет важную роль в формировании сознания, мировоззрения, следовательно, и менталитета [9, с. 130]. При этом автор приходит к выводу, подобного утверждению С.П. Синха, относительно того, что «с одной стороны, научный мир исследует плюрализм культур, цивилизаций, признавая естественность неуниверсальности и невозможность их сочетания, а с другой – постоянно подчеркивая необходимость интеграции, глобализации и тому подобное. Хотя последние обуславливают потребность адаптации и, впоследствии – унификации. Но это противоречит лозунгам демократизации, которую так жестко пытается «защитить» Запад» [9, с. 130].

Среди отечественных ученых, рассматривающих отдельные аспекты правового полицентризма, следует указать и Ю. Наризного, который указывает: «Современной философии права, которую можно с полным правом назвать постмодернистской, аргументируется положение о том, что право не является общечеловеческим феноменом, а возникло и трансформировалось в рамках различных правовых цивилизаций: западной, китайской (конфуцианской), исламской, индуисткой и других. Человеческая мысль создала целый ряд разнообразных теорий относительно природы права. Для того, чтобы их понять, важно осознать отсутствие универсальности в качестве основного принципа социальной организации, непримиримые эпистемологические посылки, лежащие в фундаменте этих теорий, и идеологические основания, обычно содержащиеся в этих теориях» [10, с. 286].

Ю. Наризный акцентирует внимание на следующем: «Признание принципа цивилизационного плюрализма имеет важное значение и для юристов, поскольку детерминирует особенности определения сущности права. В рамках этого подхода оказалось возможным выделить наиболее фундаментальные принципы жизни каждой цивилизации и, следовательно, «несущую конструкцию» ее социальной организации. Для западной цивилизации таким принципом является право, чего нельзя сказать о других цивилизациях. Это объясняет тот факт, почему большинство теорий права появились на почве западной культуры, а не китайской, индийской, японской или африканской культуру» [10, с. 286–287].

Замечу, что В. Четвернин и А. Яковлев указывают, что правовая норма есть там и тогда, где и когда ее демонстрирует социальная практика: «Одновременно существуют развитые и неразвитые национальные правовые культуры, но в неразвитой правовой культуре не может быть всех тех правовых норм и институтов, которые уже есть в развитых культурах. В результате взаимодействия правовых культур может происходить рецепция юридических текстов, то есть в процессе правового развития тексты, моделирующие социальные институты «здесь», могут заимствоваться из другой, уже развитой правовой культуры. Но эти тексты, сформулированные в другой культуре, отражают социальную реальность, еще не существующую и, возможно, недостижимую «здесь». Пример постсоветской рецепции в России текстов западной правовой культуры подтверждает, что эти тексты, даже подкрепленные определенной политической волей центральной власти «здесь», автоматически не порождают смоделированные в них социальные институты» [11].

Следует заметить, что тенденции глобализации и их влияние на мировое сообщество нашли отражение в рамках такой науки, как юридическая лингвистика. Н. Яцишин

указывает: «Активизация интеграционных процессов конца XX – начала XXI века в мире и, в частности на европейском континенте, для выработки единых правовых стандартов, отвечающих современным потребностям цивилизационного общественного развития, требует упорядочения и нормирования, а возможно и реструктурирование национальной юридической терминосистемы. В связи с этим в недрах современной лингвистики возникла новая прикладная дисциплина – терминоведение, которая постепенно уточняет свои самостоятельные функции на пересечении нескольких наук – лингвистики, логики и соответствующих отраслевых специальностей, в нашем случае – юридических и, соответственно, юридической терминологии как подсистемы в рамках общей лексической системы, которая находится на этапе своего развития» [12, с. 99]. В то же время следует акцентировать внимание на том, что право как явление в рамках различных культур не является предметом юридической лингвистики. Кроме того, на сегодня эта наука (учебная дисциплина) имеет фактически прикладной характер, не давая представление о плюрализме цивилизаций.

Не стал правовой полицентризм предметом исследования и отечественной социологии права. Хотя следует заметить, что еще в первой половине XX в. русско-американский социолог и культуролог П. Сорокин обосновал теорию трех исторических типов морально-правовых цивилизаций [13].

П. Сорокин выделяет следующие виды правовых цивилизаций: идеациональную и чувственную, каждая из которых «обладает собственной ментальностью, собственной системой истины и знания, имеет собственную философию и *Weltanschauung*; особый тип религии и образцы «святости»; свое собственное представление о правильном и неправильном; особые формы искусства и литературы; нравы, законы, правила поведения; собственную экономическую и политическую организацию; наконец, специфический тип человеческой личности с особым составом ума и манерами поведения» [13, с. 59–60].

Первая из указанных цивилизаций характеризуется тем, что высшей ценностью является абсолютная доминанта сверхчувственного мира – Бог. Соответственно, идеациональное право рассматривается как воля бога, заповеди божьи, а поэтому является абсолютным предписанием, выполнение которого не подлежит обсуждению. Преступлениями, за которые необходимо назначать суровые наказания, являются святотатства, богохульство, нарушение священных запретов и тому подобное. Судьи в идеациональной системе являются одновременно и священнослужителями, а многие юридические процедуры оформляются как священные ритуалы.

Второй тип морально-правовой цивилизации – чувственный. Высшими ценностями являются радость и чувственные удовольствия. Смысл человеческой жизни заключается в том, чтобы стремиться к удовольствиям, наслаждениям и счастью. Личные и имущественные отношения в системе чувственного права регулируются соображениями целесообразности, полезности и взаимной выгоды. Чувственное право выступает как средство подчинения и эксплуатации одних социальных групп другими. Сущность права – оберегать элиту, которая имеет наибольший доступ к различным жизненным удовольствиям, охранять ее собственность и благополучие, а также поддерживать стабильный правопорядок в обществе.

Выделяет П. Сорокин и промежуточный тип – идеалистическая цивилизация. Она занимает промежуточное

место между идеациональной и чувственной, выполняет переходную роль, представляя собой своеобразный синтез норм и ценностей обеих систем. Она способна видеть высшую ценность в Боге и одновременно положительно относиться к тем чувственным ценностям, которые не противоречат и не препятствуют почтительному отношению к Абсолюту.

В то же время необходимо заметить, что определенные шаги в исследовании явления неуниверсальности права сделаны. В частности, отечественная юридическая наука оперирует понятием «правовая система», которое, как считается, охватывает совокупность всех государственно-правовых явлений и процессов, прежде всего правовых обычаев, традиций, юрисдикционных органов, особенностей правового менталитета и правовой культуры. Правовая система является чрезвычайно сложным и многогранным явлением, а ее развитие и функционирование обусловлены историческими, географическими, экономическими и религиозными факторами. При этом большое внимание сосредотачивается на типологии правовых систем.

Как правило, классификация правовых систем мира осуществляется по следующим критериям:

- общность исторических корней возникновения и дальнейшего развития;
- господствующая доктрина юридической мысли и ее специфика;
- общность основного источника (формы) права и способов толкования норм права;
- единство в структуре системы права и нормы права;
- общность принципов регулирования общественных отношений;
- специфические правовые институты;
- единство юридической техники, в том числе терминологии, юридических категорий, конструкций;
- идеологические факторы.

В зависимости от выбранных критериев ученые предлагают различные подходы к дифференциации правовых семей. В то же время наиболее распространенным является следующий:

1) романо-германский тип (семья) – в правовой жизни общества основой является национальное законодательство, основную часть которого составляют законодательные акты (страны континентальной Европы – Италия, Франция, Германия и другие);

2) англосаксонский тип (семья) – в правовой жизни общества основное значение имеет юридическая практика, которая служит источником создания административных и судебных прецедентов (Англия, Северная Ирландия, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, бывшие колонии Британской империи и другие);

3) религиозно-традиционный тип (семья) – в правовой жизни общества доминирует правовая идеология, а в мусульманских государствах – религиозная идеология;

4) «гибридные» правовые системы (их трудно присоединить к любой правовой семье) следует изучать с точки зрения выявления в них элементов, которые приближают их к определенному стилю;

5) социалистический тип (правовые системы государств, которые продолжают путь развития социалистического общества (Китайская Народная Республика, Куба, Вьетнам) [14, с. 407–408].

Однако рассмотрение правовых культур (цивилизаций) вместо правовых систем имеет ряд преимуществ, среди которых следует отметить следующие.

1. Преодолевается терминологическая несогласованность. В частности, использование терминов «право», «система права», «правовая система», «правовая семья» не всегда последовательное. Хотя украинские ученые пытаются их разграничить, отмечая, что общетеоретические категории «правовая система» и «система права» не являются тождественными, а потому их следует различать: понятие «правовая система» шире понятия «система права». Система права является составным элементом правовой системы. Она отображает не совокупность всех правовых явлений в их взаимодействии, а только внутреннее строение объективного права как системы правовых норм. Правовые системы в свою очередь объединяются в правовые семьи. Однако при этом забывается понятие «право». К тому же «система права», если проанализировать существующие подходы к ее пониманию, фактически отождествляется с «системой законодательства» (что вполне логично в пределах нормативистской школы права, от которой еще не отошла украинская юриспруденция).

Сторонники «правовой системы» апеллируют к труду известного специалиста в области сравнительного права-ведения Р. Давида «LES GRANDS SYSTEMES DE DROIT CONTEMPORAINS». На территории бывшего Советского Союза эта работа известна как «Основные правовые системы современности», хотя переводится с французского как «Большие системы современного права». Отличие на первый взгляд казалось бы не большое, но отмечу, что не правовая система, а система права. Это можно объяснить тем, что больше всего при переводе «SYSTEMES DE DROIT» как «систем права» возникла бы несогласованность с имеющимся в Советском Союзе пониманием системы права как совокупности норм права, институтов права и отраслей права.

Работы В. Бернхэма «Introduction to the Law and Legal System of the United States» перевели на постсоветском пространстве как «Введение в право и правовую систему Соединенных Штатов», однако правильно переводить как «Введение в законодательную и судебную системы» (или «Вступление в законодательство и судебную систему»). Отмечу, что судебную систему, а не правовую. Следовательно, ни В. Бернхэм, ни Р. Давид не исследовали никаких «правовых систем». Ни о какой «правовой системе» речь не идет в трудах американского и французского исследователей. В правовых культурах, которые они представляют, отсутствует этот юридический термин [15].

2. Рассмотрение правовых культур отвечает сущности явления, которое обозначается термином «право». «Правовая система» указывает на довольно схематичный и механистический подход к рассмотрению правовых явлений, что, по моему мнению, связано с превалированием нормативистской школы права: право – это веления государства, которые закрепляются в соответствующих нормативно-правовых актах, поэтому каждое государство имеет свою «правовую систему» (кроме того, правильно в этом случае вести речь не о правовой системе общества, а о правовой системе государства), которая, как это следует из такого подхода, не имеет отношения к обществу, и для которой не является важным реализуются или нет соответствующие предписания в отношениях между людьми. Таким образом, право «отрывается» от общества, рассматривается уже не как социальное явление, а как «совокупность нормативно-правовых актов». В одних государствах такой «совокупностью» являются религиозные тексты, в других – решения судов и так далее. Совсем по иному рассматривает право

правовой полицентризм: право – это прежде всего социальная ценность, это социокультурное явление, фактор стабильности общественных отношений и порядка в социуме; средство, определяющее поведение человека, поэтому влияющее на его жизнедеятельность, на взаимодействие с другими людьми и с окружающим миром; право является имманентным общественным отношениям, поэтому не навязывается обществу извне (государством), а является продуктом самого социума. Таким образом, объединяющим фактором (в отличие от правовых семей) является совокупность психологических, идеологических (религиозных), духовных и других признаков, что позволяет говорить о культуре (цивилизации).

Выводы. Таким образом, не смотря на актуальность, тематика правового полицентризма в современных условиях развития общества не стала предметом исследования отечественной юридической науки. Следует отметить лишь несколько разрозненных статей отдельных ученых, посвященных некоторым аспектам явления правовой неуниверсальности. Учитывая комплексность проблемы, которая включает социологические, юридические, исторические, психологические, культурологические и другие аспекты, а также ее неразработанность, что негативно отражается на развитии системы права в целом, правовой полицентризм должен стать одним из ведущих направлений отечественной юридической науки. При этом ключевой предпосылкой такого исследования должно быть понимание права не как прескриптивного текста, а как социокультурного явления.

Список использованной литературы

1. Шпенглер О. Закат Западного мира: очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер; пер. с нем. И.И. Маханькова. – М.: Издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2010. – 1085 с.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
3. Синха С.П. Юриспруденция. Философия права: [краткий курс] / С.П. Синха; пер. с англ. – М.: Издательский центр «Академия», 1996. – 304 с.
4. Загальна декларація прав людини від 10 грудня 1948 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_015.
5. Черных О. Всеобщая исламская декларация прав человека / О. Черных [Электронный ресурс]. – Режим доступу : https://charynykh.wordpress.com/2013/06/17/islamic_human_rights_declaration-2/.
6. Каирская декларация о правах человека в исламе [Электронный ресурс]. – Режим доступу http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm.
7. Декларация АСЕАН о правах человека [Электронный ресурс]. – Режим доступу : <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:GWiYdTIA3qsJ:constitutions.ru/%3Fp%3D8333+&cd=6&hl=ru&ct=clnk&gl=ua&client=firefox>.
8. Добробог Л.Н. Система права в аспекте правового полицентризма / Л.Н. Добробог // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2013. – № 4. – С. 149–154.
9. Синюта Л.Л. Мова як фактор правового полицентризму / Л.Л. Синюта // Науковий вісник Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ. – 2012. – № 2. – С. 126–131.
10. Нарижный Ю.А. Культура и философия эпохи постмодерна / Ю.А. Нарижный. – Днепропетровск : Днепропетровский гуманитарный университет, 2008. – 464 с.
11. Четвернин В.А. Институциональная теория права / В.А. Четвернин, А.В. Яковлев. – М., 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступу : teoria-prava.hse.ru/files/institution.pdf.
12. Яцишин Н.П. Юридична термінологія як спеціалізована система правових понять / Н.П. Яцишин // Термінологічний вісник. – 2013. – Вип. 2 (2). – С. 99–103.
13. Сорокин П.А. Социокультурная динамика / П.А. Сорокин. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 344 с.
14. Теорія держави і права: [підручник] / кол. авт.; кер. авт. кол. канд. юрид. наук, проф. Ю.А. Ведерніков. – Дніпропетровськ : Дніпроп. держ. ун-т внутр. справ, 2014. – 468 с.
15. Кучук А.М. Юридична термінологія в світлі правового полицентризму (теоретико-правовий аспект) / А.М. Кучук // Порівняльно-аналітичне право. – 2014. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступу : pap.in.ua/5_2014/9.pdf.